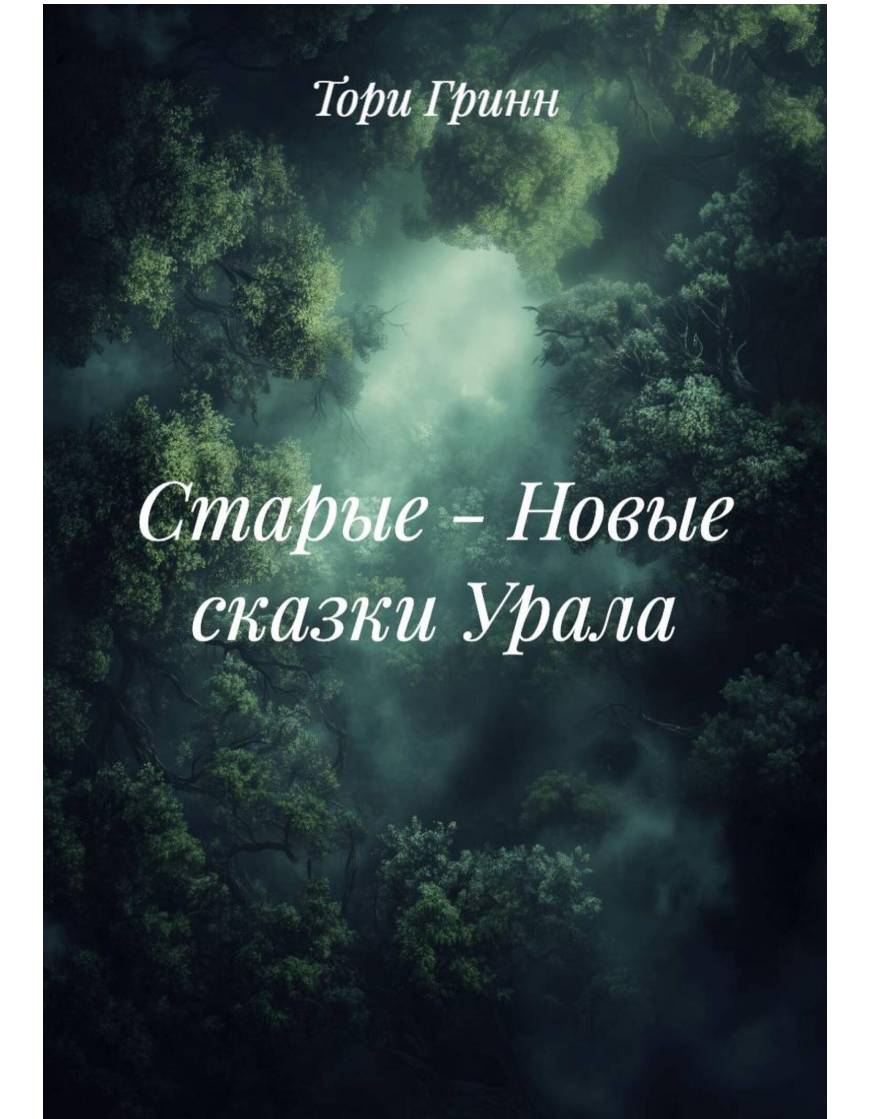

Тори Гринн

*Старые – Новые
сказки Урала*

Тори Гринн

Старые – Новые сказки Урала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72658462

SelfPub; 2025

Аннотация

В суровых Уральских горах, что испокон веков зовутся Каменным Поясом, скрыты древние тайны. Здесь в малахитовых глубинах правит могущественная Хозяйка Медной горы, по золотым жилам струится великий Полоз, в лесных огнях пляшет Огневушка-Поскакушка, а по ночам является одинокий дух – Серебряное Копытце.

Но пришла пора испытаний для древней магии. Жадные руки Заводского Барона тянутся к священным сокровищам гор. Проснувшиеся духи мстят за поруганную землю, а Хранители встают на защиту родных мест...

Цикл основан на уральских мифах и сказах П.П. Бажова и продолжает их традиции в новом фэнтезийном мире.

Тори Гринн

Старые – Новые сказки Урала

Предисловие

Сказ о Каменном Поясе

За горами высокими, за лесами дремучими, там, где небо цепляется за зубчатые хребты, лежит край дивный и древний – Каменный Пояс мира. Не носит его никто, а держит он на себе и небо, и землю.

Сложен Пояс тот не из кожи и пряжек, а из живой силы земной, что течёт в его жилах огненной рекой. И зовут ту реку – Жила. А там, где Жила на поверхность пробивается, рождаются камни-самоцветы: малахит, что травой подземной стелется, яшма, что закатом в камне застыла и золото, что солнечными слезами по скалам струится.

И есть у тех камней душа. И есть у тех душ Хранители.

В медных подземных дворцах, стены которых – чистая малахитовая зелень, Хозяйка Медной горы правит: не злая она

и не добрая – справедливая. Может одарить мастера несметными богатствами, а может и в каменную статую обратить за жадность. И есть у неё слуги – ящерки малахитовые, что бегают по трещинам земным и всё на свете знают.

В золотых же россыпях, что как чешуя исполинская по склонам светится, Великий Полоз сторожит свое добро. Змей он могучий, всё тело его – из чистого золота живого, а глаза – как два солнца подземных. Шепчут люди, что дети его, Змеевки малые, по ночам из-под земли выползают и где они проползут, там золотая жила заблестит.

А по лесным опушкам, там, где тень от сосен длинна, Огневушка-Поскакушка пляшет. Дух она огненный, дочь Полоза и пламени. Следы её ног – что россыпи меди да золота, а смех – как треск сухих веток в костре. Увидеть ее – к великой удаче, а поймать – к великой беде, ибо нельзя огонь в руках удержать.

И есть ещё дух один, светлый и одинокий – Серебряное Копытце. Козлик дивный, чье копыто не простое, а волшебное. Ударит им о камень – и выскочит самоцвет, словно искра из-под ноги. Но не для всех он свои чуда являет, а лишь для тех, у кого сердце чистое, да душа светлая.

Живут в том краю и люди. Одни – Хранители – чтут древ-

ний Род Каменный, общаются с духами и знают, что у всего на свете есть душа. Другие – Заводские – приходят с железом и огнём, чтобы вырвать у гор их богатства. Строят они заводы-крепости, а дым их печей застилает солнце.

И началась в Каменном Поясе великая борьба. Борьба между железной поступью прогресса и древней, каменной душой мира. Между жадностью, что слепа, и мудростью, что видит сердцем...

Малахитовая Спираль

Дым над Каменным Поясом стелился низко, перемешиваясь с вечными парами из гудящих труб Завода-крепости Вершигорья. Воздух был густым, сладковато-горьким от запаха расплавленной руды и магии. Именно здесь, в сердце индустриального Урала, и началась тихая, странная чума.

Старый камнерез Степан, чьи руки помнили холод еще необработанного малахита, первым заметил пропажу. Его лучший ученик, веселый парень Гришка, не вернулся с ночной смены. Не из таверны, куда ходили все после спуска из шахт, а именно из Завода. Того самого, что принадлежал Барону Вершигорскому, человеку, чья жажда к самоцветам затмевала разум.

Степан отправился к воротам Завода —громадному сооружению из кованого железа и полированной яшмы. Его остановил стражник в латах, инкрустированных мерцающими алатырь-камнями.

– Гришку моего видел? – хрипло спросил Степан.

– Не положено, – ответил стражник – робот и его взгляд был пуст, как отработанная шахта.

Но Степан был не просто камнерезом, он был из рода Хранителей. Его дед пил брагу с самой Огневушкой-Поскакушкой, а прабабка видела, как Серебряное Копытце высекало искры на соседнем пригорке. Он знал язык камня и сейчас малахитовые вставки на воротах шептали ему о боли.

Вершигорский, человек с лицом, высеченным из гранита, принял его в своем кабинете. Кабинет был облицован малахитовыми плитами и от этого у Степана заходило хмурое сердце. Так обращаться с живым камнем – обдирать его, шлифовать в бездушные плиты – было кощунством.

– Твой Гришка? – Барон махнул рукой и его перстень с ограненным изумрудом бросил на стену ядовито-зеленый зайчик. – Перебежал на другой прииск. Такое бывает.

– Мой Гришка не перебежчик, – тихо сказал Степан. – Он пропал, как и семеро до него. Все – лучшие резчики.

Барон усмехнулся.

—Шахта — не цветущий луг. Иди, старик, не мешай прогрессу.

Но Степан не ушел. Он пошел в поселок, к другим семьям. История была одна и та же. Пропадали тихо, без следов, после того как их вызывали на «особый заказ» к самому Барону. Шепотом говорили, что те немногие, кто вернулся, стали... другими. Молчаливыми. Их пальцы, некогда такие ловкие, теперь двигались медленно, словно скрипели, а в глазах стояла зеленая, малахитовая муть.

Ночью Степан прокрался к Заводу старыми тропами, о которых забыли даже стражи. Он нашел «дышащую» трещину в скале — место, где Жила мира выходила на поверхность. Положив ладонь на теплый камень, он пропел горловую «закрутку», мелодию, которой научил его дед. Камень послушно отъехал, открыв вход в лабиринт естественных пещер, что вился под фундаментом Завода.

Воздух внутри был густым и тяжелым. Светились не рукотворные светильники, а прожилки самородного малахита в стенах. И этот свет был неестественным, тревожным, пульсирующим в такт какому-то гигантскому сердцу. Степан шел и стены шептались с ним. Они рассказывали о боли, о жад-

ных руках, что рвут плоть горы, о глухой, нарастающей ярости.

И тогда он увидел первого. Это был молодой парень, застывший в неестественной позе, одной рукой будто что-то отталкивая. Его кожа была холодной и гладкой, как полированный малахит, а в груди, на месте сердца, пульсировал зеленый свет. Он не был мертв, он был пленен. Окаменевший, но живой. Это был не Гришка, но Степан узнал в нем лицо одного из пропавших.

Лабиринт вёл вниз, в огромный грот, от которого перехватывало дух. Своды его были из чистого, сияющего изнутри малахита, а по стенам струились жидкие, словно ртуть, ручьи расплавленной меди. И в центре, на троне, выросшем из самого пола, сидела Она.

Но это была не та Хозяйка Медной горы из сказов, что могла быть и грозной, и справедливой. Ее красота была холодной и острой, как скол кристалла. Длинные волосы, словно струйки жидкого малахита, струились по плечам, а глаза горели зеленым огнем чистой, неразбавленной магии. Вокруг нее, как свита, стояли десятки каменных фигур – бывших камнерезов. Они были расставлены по спирали, уходящей вглубь грота и каждый был соединен с ней тончайшей паутиной зеленого света, вытягивающей из них что-то.

И в конце спирали, уже наполовину превращенный в статую, стоял Гришка. Его глаза были широко открыты от ужаса, а рука, еще живая, судорожно сжимала резец.

– Смотри, старый Хранитель, – голос Хозяйки был похож на шелест осыпающейся горной породы. – Смотри, что творят твои люди. Они рвут мою плоть без счета. Плетут железные паутины, чтобы выкачать душу Жилы. Они забыли Род.

Степан с трудом нашел в себе голос.

– Мы всегда добывали, но мы чтили...

– Чтили? – она усмехнулась и по стенам пробежала трещина. – Твой Барон принес мне жертву – свою жадность, свою гордыню. Он предложил мне вечную службу лучших мастеров в обмен на несметные жилы. И я приняла его дар. Их души, их мастерство теперь питают меня. Я становлюсь сильнее. Я сотру его Завод, его железных муравьев и горы сомкнутся, как были!

Степан понял. Барон, сам того не ведая или сознательно, разбудил не духа-хранителя, а его темную, искаженную тень – духа мести, рожденного от жадности людей. Он заключил сделку с демоном, которого сам же и создал.

– Он виновен, – сказал Степан, глядя на страдающее лицо

Гришки. – Но они-то невинны! Отпусти их.

– Их души уже вплетены в мою Малахитовую Спираль. Они – моя сила. Уйди, Хранитель или останься с ними на веки.

Степан посмотрел на своих окаменевших собратьев. Он видел не статуи, а застывшие в вечном крике души. Силой ее не взять, но он знал старые сказания. Знал он и Бабу-Ягу, что жила во вращающейся скале севернее и та сказывала ему однажды: «Сила Хозяйки – в ее свите. Разорви нити, связывающие ее с миром и она уснет».

Нити... Паутина света, что тянулась от статуй к ней.

Степан выхватил из-за пояса не нож, а свой старый резец – инструмент истинного камнереза. Он был сделан из простой стали, но заточен и закален в водах священной горной реки. Это был не металл, это было продолжение его воли.

Он не бросился на Хозяйку. Он бросился к ближайшей статуе и ударил резцом по тонкой, светящейся нити, что тянулась от ее груди.

Раздался звук, похожий на треск ломающегося хрусталя. Нить порвалась и статуя вздохнула – глубоко, по-человече-

ски и малахитовый цвет стал отступать от ее лица, обнажая плоть. Хозяйка вскрикнула – не от боли, а от ярости. Грот содрогнулся.

– Ты!..

Степан уже бежал по спирали, обрубая резцом одну нить за другой. С каждым разорванным каналом Хозяйка слабела, ее сияние меркло, а освобожденные мастера, падая на колени, кашляли пылью и с ужасом смотрели на свои руки.

Он добежал до Гришки. Нить, связывающая его, была толще других, почти что кабель из чистого света. Степан вложил в удар всю свою силу, всю свою любовь к ученику и всю свою ярость за поруганную гору.

Нить разорвалась с оглушительным грохотом.

Гришка рухнул ему в руки, живой, теплый, плачущий.

Хозяйка Медной горы медленно поднялась с трона. Ее форма колебалась, становилась прозрачной.

– Ты победил, старик, – прошипела она. – Но это не конец. Пока жадность жива в сердцах ваших, я буду возвращаться. В другом облике. В другом камне.

И она рассыпалась миллиардом зеленых искр, которые ушли в стены грота. Трон потух. Свет малахита стал мягким и естественным.

Степан, поддерживая Гришку, повел уцелевших мастеров обратно, к выходу из пещер. Они вышли на утро, в предрасветный туман. Завод Вершигорский стоял как ни в чем не бывало, но Степан знал – Барон еще ответит, не перед ним, так перед Горой.

Он посмотрел на свои руки. На кончиках пальцев кожа странно поблескивала и была твердой на ощупь. Цена за разрыв малахитовых уз. Маленькая часть его самого осталась в той Спирали.

Он глубоко вдохнул холодный воздух. Битва была выиграна. Но война между жадностью и древним Родом Каменного Пояса только начиналась.

Золотая Лихорадка Полоза

Гришка всё чаще ловил на себе странные взгляды. В поселке, после того как он вернулся из-под земли живым, на него смотрели как на вестника из иного мира. Одни – с почтением, другие – со страхом. Он и сам чувствовал себя другим. По ночам ему снились зеленые сны, а пальцы, даже без

инструмента, чуяли скрытую музыку камня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.